

ISSN 1563-0323
Индекс 75878; 25878

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Филология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия филологическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

EURASIAN JOURNAL

of Philology: Science and Education

№2 (арнайы шығарылым)

Алматы
«Қазақ университеті»
2019

Edrenova N.T.¹, Zhaksylykov A.Zh.²,

graduate student¹, Doctor of Science, Professor²
of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: nazka_edrenova@mail.ru; aslanj54@mail.ru

TIME AND MAN IN THE CONCEPTUAL REALM OF PROSE BY MAURICE SIMASHKO

This article is devoted to the historical discourse of the story by Maurice Simashko "Emshan", in particular, the artistic role of exoticism, historicism, that is, lexemes, which play an important artistic role in the context of the work and are significant concepts. As part of the analysis of the role of these concepts, the philosophy of History and Man in prose of Maurice Simashko is revealed, its development is within the framework of the dynamics of the literary strategy of the writer, who possessed extraordinary knowledge in the field of history and culture of the peoples of the East. The images of Man and History in the works of Maurice Simashko are, in essence, micro-and-macro-images with a deep structural meta-semantic meaning. They are difficult to interact and show how important the problem of morality in the philosophy of the history of the writer.

Key words: poetics, conceptual sphere, concept, national picture of the world, story, poetics, micro-image, macro image.

Едренова Н.Т.¹, Жақсылықов А.Ж.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
2 курс магистранты¹, ф. ғ. д., профессоры², Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: nazka_edrenova@mail.ru; e-mail: aslanj54@mail.ru

Морис Симашко прозасының тұжырымдамалық саласындағы уақыт пен адам

Бұл мақала Морис Симашконың «Емшан» повесінің Тарихи дискурсына, атап айтқанда экзотизмдер, тарихизмдер, яғни туынды контекстінде маңызды көркемдік рөл атқаратын және маңызды тұжырымдамалар болып табылатын лексемдердің көркемдік рөліне арналған. Осы тұжырымдамалардың рөлін талдау шеңберінде Морис Симашко прозасындағы адам мен тарих философиясы, оның шығыс халықтарының тарихы мен мәдениеті саласында бірегей танымға ие жазушының әдеби стратегиясы динамикасының шеңберінде дамуы анықталады. Морис Симашко шығармаларындағы адам бейнелері мен тарихының бейнелері терең құрылымдық мета-семантикалық мәні бар микро-және-макрообраздар болып табылады. Олар өзара іс-қимыл жасау қиын және жазушы тарихының философиясындағы адамгершілік мәселесі қандай маңызды екенін көрсетеді.

Түйін сөздер: поэтика, тұжырымдамалық сала, тұжырымдама, әлемнің ұлттық бейнесі, әңгіме, поэтика, микро-образ, макро-образ.

Едренова Н.Т.¹, Жаксылыков А.Ж.²,

¹магистрант 2 курса, ²д. ф. н. профессор
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: nazka_edrenova@mail.ru; aslanj54@mail.ru

Время и человек в концептуальной сфере прозы Мориса Симашко

Данная статья посвящена историческому дискурсу повести Мориса Симашко «Емшан», в частности художественной роли экзотизмов, историзмов, то есть лексем, выполняющих в контексте произведения важную художественную роль и являющихся значимыми концептами.

В рамках анализа роли данных концептов выявляется философия Истории и Человека в прозе Мориса Симашко, ее развитие в рамках динамики литературной стратегии писателя, обладавшего неординарными познаниями в области истории и культуры народов Востока. Образы Человека и Истории в произведениях Мориса Симашко, по сути, являются микро-и-макрообразами с глубоким структурным мета-семантическим значением. Они сложно взаимодействуют и показывают, какое важное значение имеет проблема нравственности в философии истории писателя.

Ключевые слова: поэтика, концептуальная сфера, концепт, национальная картина мира, повесть, поэтика, микрообраз, макрообраз.

Введение

Слово *Емшан* в поэтике прозы Мориса Симашко – значимое концептуальное слово, наполненное глубоким художественно-психологическим смыслом, являющееся и поэтическим рефреном и колоритным знаком с важной исторической мета-семантикой.

Оно представлено в древней Ипатьевской Летописи 1201 г. В памятнике это слово дано в древнерусской форме, по звучанию весьма близкой к туркменскому, чагатайскому **ЕВШАНЬ**. Современные казахи и кипчаки в составе разных народов произносят его как **ЖУСАН**, а башкиры озвучивают – **ЮШАН**. В литературном обиходе название полыни, «степной травы пучок сухой» – *емшан*, стало высоким символом далекой степной родины, влекущей к себе сыновей, по воле судьбы оказавшихся на чужой земле. Известно, что некий журнал культурологического направления, издававшийся в Европе в послевоенные годы казахами-эмигрантами, носил это название (Gordin, 1981: 112).

Морис Симашко посвящает свою повесть Олжасу. Это понятно. Тут и тематическая общность интересов, и дружба двух больших мастеров слова, и общность взглядов на прошлое, к изображению которого целенаправленно обращались в своих произведениях оба писателя. Известно, что Олжас Сулейменов – неутомимый поэтический путешественник во времени.

Морис Симашко близок по духу своим исканий к творческому направлению Олжаса Сулейменова. Но есть существенные концептуальные отличия, присущие именно манере Мориса Симашко. Прежде всего, это свое видение мира и понимание времени. Наличие своей концепции времени характеризует поэтику большого художника. Литературовед Зоя Кедрина комментирует эти смыслы повести «Емшан» так: «Емшан» – трагический рассказ о пути, который прошел непобедимый султан Бейбарс от раба... (сокращение наше – Н.Т. Едренова) к ступенькам, ведущим к власти. Но не это является главным содержанием произведения, а «жалобное

слово *куке*» (отец), которое камнем стояло в горле всемогущего тирана и, наконец, вырвалось на волю, победило злое дело его жизни. Прошедший жестокую школу истязаний и унижения, ставший мамелюком-воином, шагнул он через трупы своих ближайших друзей, согласно страшному закону, гласившему, что «нельзя оставлять жизнь тем, кто был рядом». Еще только вчера отдавший приказ задушить своего соратника и придворного Турфана, дочку которого обесчестил сегодня утром, Бейбарс, вернувшись к ней, вечером после очередного предательского убийства, внезапно почувствовал, как слово разорвало ему горло, он вспомнил мертвого отца, убитого налетевшими на аул джунгарами (у Симашко «монголами») и лежащего в густой траве, источающей запах *емшана*, вспомнил дальнейшее – свою дорогу в рабство, – подошел к тахте и тихо прикрыл девочку накидкой от холода, а затем пошел в зал приемов, выпил вина из кубка, только что отравленного по его приказу самого верного сподвижника и вышел в сад.

Так умер Бейбарс – властитель, чтобы возвратиться к своему народу берш, откуда был угнан в рабство, и вывести осиротевших в очередном набеге женщин, детей и стариков в далекие северные леса, недоступные для джунгаров» (Kedrina, 1983: 11).

Эксперимент

В этих рассуждениях критика, характеризующего сюжет повествования, показаны два значимых момента: 1) мамелюки, в том числе Бейбарс, строго придерживаются основного «железного» закона жизни – право сильного на жизнь и собственность слабого. Этот закон в той или иной замаскированной форме (рейдерство) существует в известной среде и до сего дня. Этот гангстерский закон, считавшийся в древности «справедливым», царил не только в рядах мамелюков. Это был закон сильных мира сего, развязывающий руки и освобождающий от душевной муки целые народы-завоеватели. Из него как бы сочится кровь самой истории. И Морис Си-

машко как художник посредством него показал один из узловых нервов истории. 2) Второй момент – «главный лейтмотив и знаковый рефрен» повести: «слово победило человека». Это слово *куке* (**по-тюркски – отец**), звучащее до сих пор в устах младенцев, и «разорвавшее» горло всемогущего Бейбарса, красной нитью проходит через все повествование. Именно это слово и является значимым концептом произведения, функционирующим в смысловом поле произведения двояко. Во-первых – это важный психологический мотив в духовной сфере Бейбарса, заставляющий его вернуться к человечности, к истокам памяти. А в конечном итоге – начать странствие домой в кипчакскую степь. Во-вторых, это экзотизм, колоритно характеризующий национальную картину мира в повести.

Эти два момента, показанные исследователем, можно считать основными, организующими тематический дискурс повествования, показывая его глубинное течение в соответствии со стратегией писателя. В широком ассоциативном поле повествования движущими моментами выступают две основные концепции: концепция исторического времени и концепция человека в глобальном потоке истории. Сверхзадача писателя, как представляется, заключается в показе причин победы мамелюков над монголами. А эти причины коренятся в духовно-психологическом мире героя. Именно здесь переплетаются узловые нити человека и истории, то есть микро-и-макромира. Эти две образные концепции присутствуют практически в каждом произведении Симашко, активно реализованы они и в повести «Емшан». Таким образом, мы видим как бы обнажение философии истории в поэтике писателя: История и Человек – взаимозависимые силы, они могут трансформироваться и перетекать друг в друга. И обе имеют космологическое значение. Характеризуя поэтику М. Симашко, С. Ананьева пишет: «Общее видение мира у Симашко, пространство его художественной памяти еще долго будут вызывать профессиональный интерес отечественных и зарубежных литературоведов. Образность – неотъемлемая составляющая структуры его художественных текстов. Прозаик «видит нравы многих людей», что переплавляется в дальнейшем в сложные композиционно-семантические конструкции прозы». (Ananyeva, 2013: 77)

Обратимся к концепции времени в творчестве Мориса Симашко. Как всякий художник, Симашко в своем творчестве должен был отразить категорию времени, претворив ее в своем

концептуальном видении мира, наполнив специфическим содержанием – материалом, который взят в качестве объекта творчества. В широком смысле материалом творческих исканий Мориса Симашко является история народов Азии, в том числе казахского народа. И художественное восприятие категории времени в произведениях писателя это, прежде всего, восприятие историка, хрониста, обязанного быть дотошным и проницательным в описании исторической эпохи. Изображение времени должно быть включено в хронологические рамки, отражать события и реалии времени, значимые для исторической личности – героя произведения и для заинтересованного читателя. Такие требования стоят перед писателем Симашко, выработавшего особые принципы работы художника, обращающегося к истории, и ставящего задачу создать выразительный портрет Истории в лице выдающегося Человека. Во всех произведениях Мориса Симашко эти требования выполняются неукоснительно. Так он создал свою уникальную творческую лабораторию.

Результаты и обсуждение

Действие происходит в хронологически конкретных временных рамках: в романе «Маздак» начинается действие в 891 году н.э. и длится на протяжении почти целой исторической эпохи; точно датировано действие в романах «Искупление дабира», «Семирамида», «Падение Ханабада», «Колокол», в повести «Гу-га» и остальных замечательных произведениях писателя, вошедших в мировую литературу. Объективно датировано время действия в повести «Емшан», оно четко звучит в голосе автора-повествователя. «Так умер Бейбарс Эль-Мелик-эд-Дагер, четвертый бахритский султан, по прозвищу Абуль-Футух, победитель монголов и крестоносцев. С 1260 по 1277 годы от р. Хр. правил он страной Миср. И плакали люди страны Миср, и с минаретов кричали его имя раньше имени бога, и святым стало в стране Миср все, чего он касался. И как жил он, так и умер – чтобы не знали, где его могила. В Дамаске показывают ее, в Эль-Кахире, и в других местах...» (Simashko, 1983: 334).

Заметим, что концепт времени в повести Симашко всегда связан с местом, и названия мест даются в той фонетической форме, которая бытовала именно в данное время. Миср – ранее восточное название Египта, Эль-Кахир – старое название современного Каира. Так же колоритно представлены в повести остальные топонимы,

привязанные к хронологии и к языку той эпохи. Историческая корреляция реалий повествования, опирающаяся на документы и тексты исторического содержания (например, «Шах наме» Фирдоуси), умелое цитирование этих документов, стилизация повествования в духе летописи (например, в романе «Маздак»), характеризуют стилевую манеру и черты творческого почерка М. Симашко.

В повести «Емшан» концепция времени представлена как торжество грубой, подавляющей и одновременно извортливой силы, когда к власти идет «прямым путем» «герой» – завоеватель, тиран, «божество», не знающий сомнений, не ведающий нравственных мук, принявший закон силы и культ власти как несомненное правило победителя. В повести изображается путь героя, раскрывается механизм власти, и все, что питает «волю к власти». Автор прослеживает путь героя к власти. Перед читателем раскрывается своеобразный «моральный кодекс», в котором нет ни одного слова о жалости и сочувствии, и который надо свято соблюдать, если повелитель не хочет потерять власть, а с нею заодно лишиться жизни. Ведь по условиям этого времени, потерять власть значит – умереть. Бесславно, позорно. Власть должна находиться в сильных руках. Властитель должен быть безжалостным, предусмотрительным и хитрым. Не обязательно умным, а именно хитрым. Потому что ум закаляется и совершенствуется в рассуждениях, он склонен к сомнениям, к медитации; от размышлений, порожденных сомнениями, недолго сделать шаги в сторону нравственного самоусовершенствования, очутиться в числе верующих, молящихся. И тогда конец власти. Милосердие, жалость к нижестоящим и тотальная власть несовместимы. Так в повести «Емшан» и в романе «Искушение дабира» создается психологический портрет исключительной исторической личности, повернувшей ход истории в другое русло. Например, Бейбарс, победитель монголов, визирь Низам аль Мульк, написавший книгу – искусство властителей «Сиясат наме». Внутренняя подоплека такой личности – непрерывное мышление, неуклонно перерабатывающее опыт истории, великих правителей, из рабов поднявшихся к вершинам трона. Особый аспект психологии таких личностей – постоянное наблюдение за поведением народа и учет его внутренней жизни, то есть особая проницательность, реакция на восприятие коллектива. Таким образом, великим правителем может стать не только жестокий человек, но и мыслитель, постоянно думающий человек, учитывающий

и меняющуюся обстановку и настрой массы, и умеющий управлять этими процессами.

«Монголы не знали других путей, кроме прямого, и это был самый правильный путь. Когда они увидели мамелюков, то начали съезжаться плечо к плечу и конь к коню, поворачивались в их сторону. И он дал знак, и ухнули боевые трубы, и мамелюки тоже начали съезжаться плечо к плечу и конь к коню, поворачиваясь к монголам. И, как монголы, прижались они друг к другу, и пыль из-под копыт не могла пробиться между их телами.

И монголы удивились, потому что в первый раз увидели идущих к ним прямым путем. И когда столкнулись мамелюки и монголы возле Айн-Джалуты, то монголы рассыпались. И когда столкнулись мамелюки и монголы возле Айн-Джалуты, то монголы рассыпались.

И кончились монголы, когда рассыпались, потому что не знали они пути, кроме прямого. Никого не знали они, кроме своего эмира, и были, как слепые щенки, каждый в отдельности. В разные стороны побежали монголы, бросив луки и круглые кожаные щиты. В грязи и навозе было их хвостатое знамя цвета теплой крови...» (Simashko, 1983: 328-329).

Великое дело «прямой путь»! Именно по этому «прямому пути» идет всю жизнь Бейбарс от победы к победе. Потому что время сильных – это время прямого пути. «До конца он пошел прямым путем. Плотными отрядами по сорок разъехались мамелюки по пустыне, догоняя монголов и отрезая им головы. И собрал он все отрезанные головы и построил из них красную пирамиду на высоком берегу Евфрата. Никогда больше не шли монголы в страну Миср. И дальше не шли они через страну Миср в страны франков, потому что он остановил их в Айн-Джалуте. Так стал он Абуль-Футух – Отец Победы» (Simashko, 1983: 329).

Надо сказать, что военное искусство Чингизхана, его сыновей и внуков, тоже великих завоевателей, заинтересовало военных специалистов России уже в XIX веке, этой теме были посвящены труды военного историка М.И. Иванова. (Ivanin, 1998: 3-133) Эта тема интересна в рамках темы данной статьи в том плане, что монгольские войска в эпоху завоеваний потерпели ощутимое поражение только в двух случаях: на территории Сирии от мамлюков Бейбарса и на японских островах от самураев при неблагоприятных погодных условиях (цунами, уничтоживший монгольский флот). Бейбарс, одержал серьезные победы над монгольскими войсками Хулагу, крестоносцами-франками, вышел на

мировую арену в качестве властелина могучей ближневосточной державы в результате своих выдающихся качеств полководца-воителя, политической прозорливости. (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%B9%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%81_I)

Но, по мысли автора анализируемого произведения, главным условием его возвышения было твердое следование прямому пути. «Прямой путь» – это, безусловно, важный концепт, имеющий лейтмотивное символическое значение в тексте произведения. В чем состоял этот «прямой путь», показывает писатель на значимых фактах биографии героя. Это жестокие схватки за кусок хлеба на галерах, изнурительная борьба за место в рядах дружины мамелюков, полная опасности борьба за первенство в рядах сорока, затем в рядах девяти. Это борьба с постоянной угрозой заговоров и покушений, когда итогом является физическое устранение всех реальных соперников. Как выявляется в контексте произведения, самое характерное, то, что это борьба является делом обыденным, своего рода рутиной, в ней принимают участие все так называемые «правильные люди», люди силы, возвышающиеся над серой толпой. Не участвуют в борьбе только «мягкие», добродетельные, испорченные семейной жизнью, слишком «правильные» люди, ориентирующиеся на нравственность.

Нарушение заповеди, кодекса не спасает от трагической участи даже такого всесильного мамелюка, каким был опытный воитель Айбек. А погубила Айбека ожидаемая и распространенная слабость, он поддался любовным чарам. «И так были затемнены мысли Айбека от женщины, что не убил он Котуза. И никого из девяти не убил он, кто убивал с ним старого султана. Справедливость и порядок нарушил эмир Айбек. И они убили его... А блестящие коричневые глаза Котуза были, как у ожидающей гиены» (Simashko, 1983: 326).

А вот характеристика аборигенов – жителей Мисра.

«Как собаки, доверчивы люди страны Миср. Айбеку и Котузу не трудно было обмануть их, умеющих писать. Оправдание всему, что делают, ищут они, и нерешительны поэтому» (Simashko, 1983: 331).

Участь последнего сподвижника, самого преданного соратника тоже предрешена, потому что он из льва превратился в собаку. «Длиннорукий Барат по его знаку убил одного за другим всех эмиров, которые были с ним в Мансуре... И тех убил он, которые рубили с ним

Айбека. И тех, кто в Айн-Джалуте был... многих других убил он, время которых пришло» (Simashko, 1983: 331).

Последняя фраза, как яркая лампа, освещает понимание самим султаном Бейбарсом смысла всех убийств. Так надо, потому что пришло их время. Время умирать, уходить. Они не соответствуют времени, они лишние в данном времени. «Львы, ставшие собаками, видят неправильные сны».

Время грубой силы, в котором живет Бейбарс, приходится на время его власти, могущества, но в то же самое время, оно приходится на время его «беспамятства». Мальчик-кипчак: смутно помнящий свое детство начинает восхождение к власти с целой серии преступлений – убийств, отстаивая свое право на существование. Все дальнейшее его продвижение по «прямому пути» – бесконечная цепь преступлений, оправдываемых «катехизисом времени силы». Тем не менее, человеческое в его душе живет, и оно борется за свет, за истину. И это значимо для автора произведения.

«Развитие характера Бейбарса, прозванного святым, отцом страны Миср, показано и в отношении его к спящей девочке на фоне красного солнца. Бейбарс плачет, вспоминая себя мальчиком возле убитого варварами куке, запах емшана, высокой горькой травы, красное солнце, красный песок, ставший от вечернего солнца черным. Так начинается раскаяние и прозрение», – пишут авторы главы о М. Симашко, подчеркивая диалектику развивающейся души героя в повести. (Creativity of Russian writers of Kazakhstan, 1992: 212)

Особенности художественной концептуализации категории времени в повести можно передать известной фразой Бориса Пастернака «И дольше века длится день». Концепция века как макро-образа противопоставлена автором концепции мига как микро-образа. В рамках этой антитезы читатель является свидетелем одного реального дня, возможно, самого значительно в жизни султана Бейбарса. Этот день начинается и завершается необычно. Он встревожен услышанным словом «куке», которое внезапно вошло в его сознание, пробуждая воспоминания детства, и не покидает до последних судьбоносных мыслей, когда он решается на, казалось бы, невозможное для мамелюков дело – суицид. В контексте произведения выявляется, что самоотравление – это инсценировка, задуманная с дальновидным и умным прицелом, финальный шаг перед окончательно принятым решением уйти в родные степи. Так психологический миг в со-

знании человека определяет политическую расстановку века. А читатель ощущает баланс двух сил, Истории и Человека, то и дело перевешивающих друг друга в вечном течение Времени.

Слово: «Куке!» позвало грозного правителя в новый путь по тропам поиска истинной судьбы. Человек устал от крови, от войны, от насилия и власти. В душе не закосневшего человека всегда живет ребенок. И на духовном плане пути к истине он может быть больше, чем взрослый человек, несущий тяжесть содеянного, груз предрассудков, стереотипов, усталость от самого себя и своего века. И начинается новый долгий путь, на этот раз посвященный служению полузабытому далекому родному народу. Не дано знать, как сложится этот путь, и вообще – состоится ли он, дойдет ли человек до степей Родины. В умении раскрыть самое основное, истоки духовного в человеке, обнажить самый болевой нерв и показать его значение для спасения человека от самого себя, демонического, заключается одна из граней мастерства М. Симашко. В. Бадиков писал по этому поводу следующее: «Настоящий художник вне зависимости от темы, является феноменом общечеловеческим. В Симашко

есть этот импульс. Его может читать и степняк, и европеец, мусульманин и иудей. Помимо аксессуаров исторических, в его вещах живут люди – это самое главное, признак большого искусства». (Badikov, 2014: 247)

Выводы

Таким образом, концепты Человек и История не столько противопоставлены в концептуальной сфере повести Мориса Симашко «Емшан», сколько сложным образом диалектически взаимосвязаны и взаимодействуют в едином смысловом поле Времени нравственного развития и нравственного суда. Это показано в художественном поле произведения как взаимосвязь и взаимный переход микро-и-макро-образов. Такова особенность философского и эстетического плана произведения, что тонкое душевное движение во внутреннем мире героя может повлиять и даже определить ход истории. Наглядно это показано в повести в решении султана Бейбарса оставить трон и уйти в кипчакскую степь в поисках далекой Родины. На это решение повлияло воспоминание о детстве и взорвавшее память слово «куке» – отец.

Литература

- Гордин Я. От документа к образу (Некоторые черты текущей исторической прозы) // Вопросы литературы. – 1981. – №3. – 109-114 с.
- Кедрина З. Время творить // Дружба народов. – 1983. – № 5. – 219 с.
- Ананьева С. Морис Симашко. – Караганда: ИМ «Ли Ю.Ю.» ЖК, 2013. – 220 с.
- Симашко М. Избранное: «Маздак» роман, «Искушение дабира» роман, «Повести Красных и Черных песков». – Алма-Ата: Жазушы, 1983. – 474 с.
- Иванин М. О военном искусстве при Чингизхане и Тамерлане. 2-е изд., Алматы: Санат, 1998. – 240 с.
- https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%B9%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%81_I
- Творчество русских писателей Казахстана. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 312 с.
- Бадиков В. С вечностью – начистоту. Очерки современного литературного процесса Казахстана. – Алматы: «Алаш» баспасы, 2014. – 480 с.

References

- Ananyeva S. (2013) Moris Cimashko [Maurice Simashko]. Karaganda: IM "Lee Yu.Yu." JK. 220 p. (In Russian)
- Badikov V. (2014) S vezhnosti nazhistotu. Ozherki sovremennogo iskusstva Kazakhstana [With eternity – to be honest. Essays on the modern literary process in Kazakhstan]. Almaty: "Alash" baspasy. 480 p. (In Russian)
- Gordin I. (1981) Ot dokumenta k obrazu. Nekotorye zherty tekuzhei istorizheskoi prozy [From document to image. Some features of current historical prose]. Questions of literature: № 3. 09-114 p. (In Russian)
- Ivanin M. (1998) O voennom iskustve pri Zhingiz hane i Tamerlane [A military art under Chingizkhan and Tamerlane]. 2 ed. Almaty: Sanat, 240 p. (In Russian)
- Kedrina Z. (1983) Vremia tvorit [Time to create]. Friendship of Peoples: No. 5. 219 p. (In Russian)
- Simashko M. (1983) Izbrannoe: "Mazdak" roman, "Iskuplenie dabira" roman, "Povesti krasnyh I zhernuh peskov" [Selected: "Mazdak" novel, "Atonement of Dabir" novel, "Tale of Red and Black Sands"]. Alma-Ata: Zhazushy. 474 p. (In Russian)
- https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%B9%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%81_I
- Tvorzhestvo russkikh pisatelei Kazakhstana (1992) [Creativity of Russian writers of Kazakhstan]. Alma-Ata: Gylm. 312 p. (In Russian)